

Глава 9

Отцовский ультиматум

Осенью 1715 года, когда родился его сын и умерла жена, царевич Алексей был уже не юноша, ему исполнилось двадцать пять лет. Физически он был не таким крупным, как его отец. Рост царевича составлял шесть футов – необычно высокий рост для того времени, – но все равно Петр был на семь дюймов выше и возвышался над ним, как и над всеми остальными. Питер Брюс, офицер-иностранец на русской службе, описывал Алексея тех лет как человека «очень неряшливого в одежде, высокого роста, хорошего сложения, смуглого, черноволосого и черноглазого, с суровым лицом и звучным голосом». В его глазах, посаженных ближе, чем у Петра, часто мелькали беспокойство и страх.

Отец и сын представляли полную противоположность друг другу. Алексей вырос человеком с солидным багажом знаний и склонностью к интеллектуальным занятиям. Он был умен, любил читать, интересовался вопросами богословия и без труда усваивал иностранные языки. В физическом отношении ленивый и малоподвижный, он любил жизнь спокойную и созерцательную и не слишком рвался в широкий мир, чтобы применить свое образование на практике. Таким образом, и нрав Алексея, и характер его обучения разительно отличались от петровских. Царь в свое время получил очень скудные основы образования. В том возрасте, когда Алексей читал и обдумывал такие сочинения, как «Манна небесная» и «Чудеса Господни» или «О подражании Христу» Фомы Кемпийского, Петр муштровал солдат, строил лодки и пускал в небо ракеты. Но главное, у Алексея начисто отсутствовали титаническая энергия, пылкая любознательность и невероятная напористость – качества, на которых зиждилось величие Петра. Он был скорее книжником, чем практическим деятелем, скорее осторожным, чем смелым, инстинктивно предпочитал старое новому. Казалось, что сын едва ли не принадлежит к поколению более старшему, чем его отец. Будь он отпрыском другого царя, скажем собственного деда, царя Алексея Михайловича, или дядюшки, царя Федора, – характер царевича Алексея был бы вполне уместен и его жизнь могла бы сложиться иначе. Но он совершенно не годился на роль сына – а главное, наследника – Петра Великого.

Хотя разногласия между отцом и сыном оставались под спудом (царевич никогда не отваживался на людях перечить царю), они всегда существовали, и оба остро их ощущали. В юные годы царевич отчаянно старался угодить Петру, но он чувствовал, насколько отец превосходит его, и руки у него опускались. Чем больше Петр его бранил, тем бестолковее становился Алексей и тем сильнее ненавидел и боялся отца, его друзей и его образа жизни. Он увивался и выкручивался. Петр злился, а его сын делался все более скрытным и запуганным. И не было выхода из этого замкнутого круга.

Не зная, как преодолеть свой страх и слабость, Алексей пил все сильнее, а чтобы уклониться от обязанностей, которые тяготили его, он сказывался больным. Когда в 1713 году Алексей вернулся из Германии, проучившись год в Дрездене, Петр спросил, что он усвоил из геометрии и фортификации. Вопрос испугал Алексея; он боялся, что отец потребует тут же сделать чертеж, а у него не получится. Вернувшись к себе домой, царевич взял пистолет и попытался покалечить себя – прострелить правую руку. Руки у него дрожали, он промахнулся, но правую руку ему все-таки сильно обожгло пороховой вспышкой. Петру царевич сказал, что это вышло случайно.

Таких эпизодов было множество. Царевич не интересовался солдатами и кораблями, новыми зданиями, доками и каналами и вообще никакими замыслами петровских реформ, поэтому иногда он даже принимал какие-нибудь меры, чтобы спровоцировать болезнь и избежать появления на публике или уйти от исполнения своих обязанностей. Однажды, когда требовалось его присутствие при спуске корабля на воду, он сказал своему приятелю, что лучше быть галерным рабом или заболеть жестокой лихорадкой, чем идти туда. Другому же говорил, что вроде он не безмозглый дурак, но работать не может. Как заметила теща царевича, княгиня Вольфенбюттельская, «его отцу совершенно бесполезно заставлять его

заниматься военными делами, ибо он предпочитает держать в руке четки, а «не пистолет».

Страх Алексея перед отцом постепенно дошел до того, что он едва находил в себе силы показываться ему на глаза. Однажды он признался своему духовнику, что часто желал смерти отцу. Игнатьев ответил, что Бог его простит, – все хотят смерти царя, потому что народ изнывает под тяжестью такой ноши.

Невольно, но и неизбежно Алексей сделался центром притяжения для серьезной оппозиции царю. Все, кто противостоял Петру, видели в Алексее надежду на будущее. Духовенство молилось, чтобы Алексей пришел к власти и восстановил былое влияние и величие церкви. Народ верил, что новый царь снимет с него бремя трудовых повинностей, военной службы и налогов. Бояре надеялись, что, взойдя на престол, Алексей вернет им былые привилегии и разгонит наглых выскочек вроде Меншикова и Шафирова. Даже многие из вельмож, которым Петр доверял, втайне симпатизировали царевичу. Среди них были Голицыны, Долгорукие, князь Борис Куракин и даже фельдмаршал Борис Шереметев. Сенатор князь Яков Долгорукий не раз предостерегал Алексея: «Поменьше говори, за нами следят». Князь Василий Долгорукий говорил царевичу, что он мудрее своего отца, который хоть и умен, да не разбирается в людях.

Но несмотря на проявления подобных чувств и настроений, несмотря на общее недовольство петровским правлением, никакого заговора не существовало. Единственная политика сторонников Алексея состояла в ожидании, пока сын сменит отца на престоле, а этот час, учитывая ненадежное здоровье Петра, казался уже не за горами. Один из ближайших советников Алексея, Александр Кикин – из новых людей Петра, участник Великого посольства и впоследствии глава петербургского Адмиралтейства – тайно рекомендовал царевичу подумать о том, чтобы уехать из России или, если случится попасть за границу, то там и остаться. «Когда ты вылечишься [в Карлсбаде], – говорил Кикин Алексею перед его отъездом, – напиши к отцу, что еще на весну надобно тебе лечиться, а между тем поедешь в Голландию, а потом, после вешнего кур[са], можешь в Италии побывать, и тем отлучение свое года два или три продолжишь».

Что до Петра, то в его чувстве к сыну разочарование смешивалось с раздражением. Поначалу, много лет назад, он просто не обращал внимания на маленького сына – потому что Алексея родила Евдокия и потому что сам Петр был еще совсем юнцом. Мальчик подрастал, и недостатки в его характере становились все очевиднее – и тогда Петр попытался укрепить его нрав грубым обращением и спартанской суровостью, а не теплотой и пониманием. Он упорно старался – через Меншикова, посредством собственных писем и разговоров с сыном, с помощью разных заданий, вовлекающих его в государственные дела, – воспитать в царевиче ответственность перед державой и сделать его участником реформ, которые проводились в России. В надежде, что сын изменится, царь послал его в Европу учиться, женил на германской принцессе. После возвращения Алексея в Петербург в 1713 году Петр с нетерпением ожидал увидеть результаты заграничной поездки и обучения царевича. И что же? Когда царь попросил Алексея показать, чему он научился, царевич попытался прострелить себе руку. Вот награда за все отцовские старания!

На взгляд Петра, его сын все больше и больше отстранялся от обязанностей наследника трона, шарахался и отступал при первой трудности. Вместо того чтобы естественным образом стать сподвижником отца в его трудах, Алексей окружил себя противниками всего, что олицетворял собою Петр. Некоторые стороны личной жизни сына нимало не трогали царя: его не беспокоило, что Алексей пьянствует, куролесит со своей маленькой «потешной компанией», что взял себе в наложницы «чухонскую девку», – всему этому имелись параллели в собственной жизни Петра. С чем царь не мог смириться, так это с упорным стремлением Алексея уклоняться от того, что Петр считал его долгом. Петр готов был многое прощать тем, кто старался усердно выполнять его приказы, но приходил в бешенство, встречая сопротивление. Так как же он мог относиться к тому, что его собственный сын, которому в двадцать пять лет следовало бы служить совершеннейшим воплощением взглядов царя на долг и службу, отказывался от участия в деле всей жизни Петра, если

только его не принуждали к этому силой? Зимой 1715–1716 года Петр решил, что пора с этим разобраться; пассивный, ленивый и запутанный человек, не имеющий интереса ни к военному делу, ни к морю и кораблям, не сочувствующий реформам и не желающий строить на фундаменте, заложенном отцом, должен одуматься и перемениться! Иными словами, Петр требовал полного преобразования личности Алексея. К несчастью, время для этого было упущено; у сына, как и у отца, уже сложился характер на всю жизнь.

* * *

В день погребения принцессы Шарлотты царевичу передали письмо, которое Петр написал за шесть дней до этого, когда еще жива была невестка и не появились на свет два мальчика – два Петра. Это письмо говорит о тех надеждах, которые Петр возлагал на Алексея, о его отчаянном желании, чтобы сын вспомнил о своем царском достоинстве и вел себя соответственно, и о растущей тревоге, что царевич не сумеет или не захочет сделать это: «Объявление сыну моему. Понеже всем известно есть, что пред начинанием сея войны, как наш народ утеснен был от шведов, которые не только ограбили толь нужными отческими пристаньми, но и разумным очам к нашему нелюбозрению добрый задернули занавес и со всем светом коммуникацию пресекли. Но потом, когда сия война началась (которому делу един Бог руководцем был и есть), о коль великое гонение от сих всегдашних неприятелей ради нашего неискусства в войне претерпели и с какою горестию и терпением сию школу прошли, дондеже достойной степени вышереченного руководителя помощью дошли! И тако сподобилися видеть, что оный неприятель, от которого трепетали, едва не вящее от нас ныне трепещет. Что все, помогающе вышнему, моими бедными и прочих истинных сынов российских равноревностных трудами достигну. Егда же сию Богом данную нашему отчеству радость рассмотрим, обозрюся на линию наследства, едва не равная радости горесть меня снедает, видя тебя, наследника, весьма на правление дел государственных непотребного (ибо Бог не есть виновен, ибо разума тебя не лишил, ниже крепость телесную весьма отнял: ибо хотя не весьма крепкой породы, обаче и не весьма слабой); паче же всего о воинском деле ниже слышать хочешь, чем мы от тьмы к свету вышли и которых не знали в свете, ныне почитают. Я не научаю, чтоб охочь был воевать без законные причины, но любить сие дело и всею возможностью снабдевать и учить, ибо сия есть едина из двух необходимых дел к правлению, еже распорядок и оборона. Не хочу многих примеров писать, но точию равномерных нам греков: не от сего ли пропали, что оружие оставили и единым миролюбием побеждены и, желая жить в покое, всегда уступали неприятелю, который их покой в нескончаемую работу тиранам отдал? Аще кладешь в уме своем, что могут то генералы по повелению управлять; то сие воистину не есть резон, ибо всяк смотрит начальника, дабы его охоте последовать, что очевидно есть, ибо во дни владения брата моего¹³, не все ли паче прочего любили платье и лошадей, а ныне оружие? Хотя кому до обоих дела нет; и до чего человек начальствуя, до того и все, а отчего отвращается, оттого и все. И аще сии легкие забавы, которые только веселят человека, так скоро покидают, колми же паче сию зело тяжкую забаву (сиречь оружие) оставят! К тому же, не имея охоты, ни в чем обучаешься и так не знаешь дел воинских. Аще же не знаешь, то како повелевать оными можети и как доброе воздать и нарядивого наказать, не зная силы в их деле? Но принужден будешь, как птица молодая, в рот смотреть. Слабостию ли здоровья отговариваешься, что воинских трудов понести не можешь? Но и сие не резон: ибо не трудов, но охоты желаю, которую никакая болезнь отлучить не может. Спроси всех, которые помнят выше помянутого брата моего, который тебя несравненно болезнее был и не мог ездить на досужих лошадях, но, имея великую к ним охоту, непрестанно смотрел и пред очми имел, чего для никогда бывало, ниже ныне есть такая здесь конюшня. Видишь, не все трудами великими, но охотою. Думаешь ли, что многие не ходят сами на войну, а дела правятся! Правда, хотя и не

¹³ Имеется в виду Иван V Алексеевич. – *Примеч. ред.*

ходят, но охоту имеют, как и умерший король французский, который не много на войне сам бывал, но какую охоту великую имел к тому и какие славные дела показал в войне, что его войну театром и школою света называли, и не тоию к одной войне, но и к прочим делам и мануфактурам, чем свое государство паче всех прославил. Сие все представляя, обращаю паки на первое, о тебе рассуждая ибо я семь человек и смерти подлежу, то кому нышеписаннос с помощью Вышнего насаждение и уже некоторое и возвращенное оставлю? Тому, иже уподобился ленивому рабу евангельскому, вкопавшему свой талант в землю (сиречь пес, что Бог дал, бросил)! Еще ж и сие воспомяну, какова злого нрава и упрямого ты исполнен! Ибо, сколь много за сие тебя бранивал, и не тоию бранил, но и бивал, к тому ж сколько лет, почитай, не говорю с тобою: но ни что сие не успело, ничто пользует, но все даром, все на сторону, и ничего делать не хочешь, только б дома жить и им веселиться, хотя от другой половины и все противно идет¹⁴. Однакож всего лучше, всего дороже! Безумный радуется своею бедою, не ведая, что может от того следовать (истину Павел-святой пишет: како той может церковь Божию управить, иже о доме свое не радит) не тоию тебе, но и всему государству. Что все я, с горестию размышляя и видя, что ничем тебя склонить не могу к добру, за благо изобрел сей последний testament тебе написать и еще мало пождать, аще нелицемерно обратишься. Ежели же ни, то известен будь, что я весьма тебя наследства лишу, яко уд [часть тела, член] гангранный, и не мни себе, что ты один у меня сын и что я сие только в устраску пишу: воистину (Богу извольшу) исполню, ибо за мое отечество и люди живота своего не жалел и не жалею, то како могу тебя, непотребного, пожалеть? Лучше будь чужой добрый, неже свой непотребный».

Реакция Алексея на это письмо оказалась противоположной той, которой ожидал отец. Призывы Петра вселили в него ужас, и он бросился к своим ближайшим доверенным людям за советом. Кикин посоветовал отказаться от прав на престол, сославшись на слабое здоровье. «Тебе покой будет, как ты от всего отстанешь, лишь бы так сделали; я ведаю, что тебе не снести за слабостию своею, а напрасно ты не отъехал [в Германию], да уж того взять негде». Вяземский, первый учитель Алексея, соглашался, что царевичу следует объявить себя неспособным нести тяжкое бремя короны. Алексей говорил и с князем Юрием Трубецким, который ему сказал: «Хорошо, ты наследства не хочешь; рассудите, что чрез золото слезы не текут ли? Тебе того не понести». Тогда царевич взмолился, чтобы князь Василий Долгорукий уговорил царя позволить ему отречься от престола полюбовно и прожить остаток дней в деревенском имении. Долгорукий обещал поговорить с Петром.

Через три дня после получения отцовской декларации Алексей написал ответ: «Милостивейший государь батюшка! Сего октября в 27 день 1715 года, по погребении жены моей, отданное мне от тебя, государя, вычел, на что иного донести не имею, только, буде изволишь, за мою непотребность меня наследия лишить короны российской, буди по воли вашей. О чем и я вас, государя, всенижайше прошу: понеже вижу себя к сему делу неудобна и непотребна, также памяти весьма лишен (без чего ничего возможно делать), и всеми силами умными и телесными (от различных болезней) ослабел и непотребен стал к толикого народа правлению, где требует человека не такого гнилого, как я. Того ради наследия (дай Боже вам многолетнее здравие!) российского по вас (хотя бы и брата у меня не было, а ныне, слава Богу, брат у меня – есть, которому дай Боже здоровья) не претендую и впредь претендовать не буду, в чем Бога-свидетеля полагаю на душу мою и ради истинного свидетельства сие пишу своею рукою. Детей моих вручаю в волю вашу; себе же прошу до смерти пропитания. Сие все предав в ваше суждение и волю милостивую, всенижайший раб и сын Алексей».

Получив письмо Алексея, Петр увиделся с князем Василием Долгоруким, и тот передал царю свой разговор с царевичем. Казалось, Петр был согласен пойти навстречу желанию сына, и Долгорукий потом рассказывал Алексею: «Я с твоим отцом говорил о тебе. Я тебя у отца с плахи снял. Теперь ты радуйся, дела тебе ни до чего не будет». Если итог этого

¹⁴ Возможно, имеется в виду влияние Лопухиных, родственников со стороны матери. – *Примеч. ред.*

разговора в целом ободрил Алексея, то упоминание о плахе его вряд ли порадовало.

На самом деле Петр вовсе не был доволен. Его предупреждение царевичу вызвало не ту реакцию, на которую он рассчитывал, а смиренное письмо Алексея об отречении показалось уж слишком поспешным и безответственным. Как мог серьезный человек так легко отмахнуться от престола? Искренне ли его отречение? А даже если и искренне, то разве мог наследник великого престола просто уйти в тень и поселиться в деревне? Да будь он хоть крестьянин, хоть помещик, разве не останется он, пусть даже невольно, средоточием оппозиции своему отцу?

Целый месяц Петр размышлял над этими вопросами и ничего не предпринимал. Потом вмешалась судьба, и дело едва не разрешилось само собой. Во время пирушки у адмирала Апраксина царь подвергся сильному судорожному припадку и опасно заболел. Двое суток его главные министры и члены Сената не покидали комнаты рядом с его спальней, и 2 декабря положение стало настолько критическим, что царя причастили и соборовали. Но потом Петр одолел болезнь и стал мало-помалу поправляться. Три недели он пролежал в постели, потом долго не выходил из дома и наконец на Рождество смог отправиться в церковь, где люди увидели, как он худ и бледен. Пока царь болел, Алексей хранил молчание и только раз навестил отца. Возможно, это объяснялось тем, что Кикин предупредил царевича опасаться подвоха, он подозревал, что Петр притворяется больным или, по крайней мере, преувеличивает свою болезнь, и причастился нарочно, чтобы посмотреть, как окружающие, а особенно Алексей, поведут себя в ожидании его неминуемой кончины.

Оправившись, Петр стал обдумывать следующий шаг. Алексей поклялся: «Бога-свидетеля полагая на душу свою», что никогда не станет искать престола, но Петр боялся, что после его смерти на сына окажут влияние «большие бороды», то есть духовенство. Кроме того, Петр все еще всерьез мечтал обрести в сыне помощника – настоящего наследника трона. Поэтому он решил: Алексей должен либо быть с ним заодно, либо вообще отречься от мира и уйти в монастырь. 19 января 1716 года царевич получил второе письмо отца с требованием ответить немедленно: «Последнее напоминание еще. Понеже за своею болезнию доселе не мог резолюции дать, ныне же на оное ответствую; письмо твое на первое письмо мое я вычел, в котором только о наследстве воспоминаешь и кладешь на волю мою то, что всегда и без того у меня. А для чего не изъяснил ответу, как в моем письме? Ибо там о вольной негодности и неохоте к делу написано много более, нежели о слабости телесной, которую ты только одну воспоминаешь. Также, что я за то несколько лет недоволен тобою, то все тут пренебрежено и не упомянуто, хотя и жестоко написано. Того ради рассуждаю, что не зело смотришь на отцово прощение, что подвигло сие остатнее писать; ибо когда ныне не боишься, то как по мне станешь завет хранить? Что же приносишь клятву, тому верить невозможно для вышеписанного жесткосердия. К тому ж и Давидово слово: всяк человек ложь. Також и истинно хотел хранить [клятву], то возмогут тебя склонить и принудить большие бороды, которые ради тунеядства своего ныне не в авантаже обретаются, к которым ты и ныне склонен зело. К тому же чем воздаешь рождения отцу своему? Помогашь ли в таких моих несносных печалях и трудах, достигши такого совершенного возраста? Ей, николи! Что всем известно есть, но паче ненавидишь дел моих, которые я для людей народа своего, не жалея здоровья своего, делаю и, конечно, по мне разорителем оных будешь. Того ради остаться, как желашь быть, ни рыбою, ни мясом, невозможно; но или отмени своей нрав и нелицемерно удостой себя наследником, или будь монах: ибо без сего дух мой спокоен быть не может, а особливо что ныне мало здоров стал. На что по получении сего дай немедленно ответ или на письме, или самому мне на словах резолюцию. А буде того не учинишь, то я с тобой, как с злодеем поступлю. Петр».

Этот ультиматум как громом поразил царевича. Или превратись в того сына, какого угодно видеть Петру, или будь монах! Первого Алексей сделать не мог; он старался двадцать пять лет, и ничего из этого не вышло. Но уйти в монастырь? Это означало отказаться от всего мирского, в том числе и от Евфросиньи. Тут вмешался Кикин с циничным советом стать монахом, как велит отец. «Помни, – нашептывал он, – ведь клобук гвоздем к голове не

прибит, можно его и снять». Алексей с радостью ухватился за этот выход. «Всемиловитейший государь батюшка, – писал он Петру. – Письмо ваше я получил, на которое больше писать за болезнью своею не могу. Желаю монашеского чина и прошу о сем милостивого позволения. Раб ваш и непотребный сын Алексей».

И вновь Петр был ошарашен внезапностью и полной покорностью Алексея. Кроме того, царь вот-вот собирался покинуть Россию и отправиться в долгое путешествие в Европу, времени до отъезда оставалось слишком мало, чтобы решить вопрос такой важности и сложности. За два дня до отъезда он посетил царевича: тот лежал в постели и трясся, как от озноба. Снова Петр спросил Алексея, что он решил делать. Тот поклялся перед Богом, что хочет стать монахом. Но Петр вдруг отступил, подумав, что ультиматум его был слишком суров и что надо дать сыну побольше времени на раздумье: все-таки постриг – дело серьезное. «Одумайся, не спеша, потом пиши ко мне, что хочешь делать, а лучше бы взяться за прямую дорогу, нежели в чернцы. Подожду еще полгода». Как только Петр вышел из дому, Алексей отшвырнул одеяла, вскочил и отправился на пирушку.

Когда Петр уехал из Петербурга в Данциг и дальше на запад, у Алексея камень с души свалился – отец был далеко, и страшная туча, нависшая над его жизнью, рассеялась. Он по-прежнему оставался наследником, и еще шесть месяцев можно было ни о чем больше не думать. Полгода казались вечностью. За это время с человеком, столь непоседливым и подверженным болезням, как его отец, все могло случиться. А пока царевич мог наслаждаться жизнью.

* * *

Когда откладываешь неприятное решение, полгода могут пролететь как одно мгновение. Так и случилось с Алексеем весной и летом 1716 года. Подошла осень, прошел срок, назначенный Петром, а царевич все тянул. Он писал отцу, но в письмах речь шла только о его здоровье и повседневных делах. Потом в начале октября пришло от Петра то письмо, которого боялся царевич. Оно было написано 26 августа в Копенгагене, в самом разгаре приготовлений к объединенному наступлению союзников на Сканию. Это письмо было окончательным ультиматумом отца сыну; царевичу надлежало ответить с тем же курьером: «Мой сын! Письма твои два получил, в которых только о здоровье пишешь, чего для сим письмом вам напоминаю. Понеже когда прощался я с тобою, испрашивал тебя о резолюции твоей на известное дело, на что ты всегда одно говорил, что к наследству быть не можешь за слабостию своею и что в монастырь удобнее желаешь; но я тогда тебе говорил, чтоб еще ты подумал о том гораздо и писал ко мне, какую возьмешь резолюцию, чего ждал семь месяцев; но по сей поры ничего не пишешь. Того для ныне (понеже время довольно на размышление имел), по получении сего письма, немедленно резолюцию возьми: или первое, или другое. И буде первое возьмешь, то более недели не мешкай, поезжай сюда, ибо еще можешь к действиям поспеть. Буде же другое возьмешь, то отпиши куды и в которое время и день (дабы я покой имел в моей совести, чего от тебя ожидать могу). А сего доносителя пришли с окончанием; буде по первому, то когда выедешь из Петербурга; буде же другое, то когда совершишь. О чем паки подтверждаем, чтобы сие конечно учинено было, ибо я вижу, что время проводишь в обыкновенном своем неплотии».

Держа в руке это письмо, Алексей наконец принял решение – не идти ни одним из путей, указанных отцом, а бежать и укрыться там, где карающая рука отца не сможет дотянуться до него. Всего двумя месяцами раньше Кикин, уезжая сопровождать тетку Алексея, царевну Марию, в Карлсбад, шепнул царевичу: «Я поищу для вас места, где бы спрятаться». Кикин еще не вернулся, и Алексей не знал, куда ему ехать, и мог думать только об одном: скрыться от железной руки, которая вот-вот схватит его.

Алексей действовал быстро и увертливо. Он тут же отправился к Меншикову, объявил, что едет в Копенгаген к отцу и что ему нужно 1000 дукатов на дорогу. Он побывал в Сенате, призвал тамошних своих друзей хранить верность его интересам и получил еще 2000 рублей

на расходы. В Риге он одолжил у одного купца 5000 рублей золотом и 2000 рублей другой монетой. На вопрос Меншикова, как он намерен поступить с Евфросиньей, Алексей сказал, что возьмет ее с собой до Риги, а оттуда отошлет назад в Петербург. «Лучше уж забирай ее совсем», – предложил Меншиков.

Уезжая из Петербурга, Алексей выдал свои истинные намерения только своему слуге Афанасьеву. Но по пути, за несколько миль до Либавы, он повстречал карету своей тетки, царевны Марии Алексеевны, ехавшей с лечения в Карлсбаде. Она сочувствовала и Алексею, и старозаветным обычаям, но слишком боялась Петра, чтобы открыто высказываться против него. Алексей сел к ней в карету и сначала сказал, что послушался приказа отца и едет, чтобы присоединиться к нему. «Хорошо, – ответила царевна, – необходимо слушаться его. Так угодно Господу». Тогда Алексей разрыдался и, глотая слезы, признался тетке, что хочет скрыться от Петра. «Куда же ты поедешь? – спросила перепуганная царевна. – Твой отец найдет тебя везде». Она советовала потерпеть, надеясь, что в конце концов Господь всех рассудит. От нее царевич узнал, что в Либаве в это время находился Кикин, и он отправился туда в надежде, что тот присоветует ему что-нибудь получше.

Кикин высказался в пользу Вены, поскольку император приходился Алексею свояком. Алексей ухватился за это предложение. В собственной карете он доехал до Данцига. Оттуда царевич в форме русского офицера, под именем Коханского, с Евфросиньей, переодетой мальчиком-пажом, и с тремя русскими слугами выехал в Вену через Бреслау и Прагу. Перед отъездом Кикин дал ему настоящий совет: «Помни, если отец пришлет кого-нибудь уговаривать тебя, чтобы ты вернулся, не делай этого. Он тебе принародно отрубит голову».